

— Вашу пьесу «А существует ли любовь?» спрашивают пожарные» поставил Русский драмтеатр ЭССР. Начнем с нее?

— Нет, начнем с другой пьесы, очень важной для меня — «Театр времен Нерона и Сенеки». Вместе с «Беседами с Сократом» и «Луниным» она составляет некую трилогию. Ее можно назвать философской, но я не стал бы употреблять столь высокие термины. Просто трилогия, которая связана общими идеями, общими темами.

— Вы видели «Лунина» в постановке Эвальда Хермакюла?

— К сожалению, нет. Но читал рецензии, слышал, что в «Ванемуйне» была очень интересная постановка. Чувствую, что многое потерял, не увидев этот спектакль. Хотелось бы, чтобы и «Театр времен Нерона и Сенеки», первую советскую пьесу, поставленную на национальном фестивале Юджина О'Нила в США, в Норильске, в Тобольске, в Риге, в Баку, Ереване и Красноярске, в Праге и Копенгагене, увидели и эстонские зрители. Предпочитаю, чтобы ее, как и «Лунина» Хермакюла, играли в небольшом зале. Все больше и больше меня сейчас привлекает небольшой камерный театр, прошедший все сложности своего становления и выстоявший в них.

— Вы уже видели «Театр времен Нерона и Сенеки» на сцене?

— Совсем недавно — в Праге, в театре «Эпсилон», где эта пьеса поставлена именно как ТЕАТР времен Нерона и Сенеки. Как фарс, Кровавый фарс. Возможно, в этом же ключе решит ее Андрей Гончаров в театре имени Маяковского с Арменом Джигарханяном в главной роли.

— Вам приятно смотреть свои пьесы?

— Приятно, что их ставят. А смотреть — нет. Мне вообще неприятно слушать свой

текст. И я не судья спектаклям, которые смотрю.

— А то, что иные ваши пьесы называют литературными...

— Литературные — не литературные... Я глух к мнениям, тем более, что не понимаю этого термина. Есть театр, который занимается высокими проблемами — жизни, смерти, любви... Есть — бытовой. Когда-то я сам занимался бытовым театром. Теперь — скучно. И смотреть скучно. Открывается занавес — и я все понимаю. А хорошо — когда не знаю. И узнаю. Когда — Искусство!!! Иначе — скучно. Хотя и не ухожу из зала, все равно смотрю до конца. Но все-таки я, видимо, не настолько люблю театр, чтобы любоваться только игрой актеров или построением мизансцен...

— Что, по-вашему, произошло с пьесой «Она в отсутствие любви и смерти»?

— Путаница глубокая. Эта пьеса не имеет никакого отношения к бытовому театру. Она чисто символическая. И — чисто театральная. В ней есть своя драматургия. Но — как ее ставить? В Болгарии я увидел вариант. Интересный вариант. У нас я вариантов не видел. Здесь девушка нужна на роль героини — с темными страстями. Такие

девочки в театральном институте не идут. И поэтому эту пьесу, которую при желании тоже можно назвать литературной, нужно читать. Поэтому я включил ее в сборник.

— Ваша новая работа?

— Пьеса «Старая актриса на роль жены Достоевского». Пьеса историческая. Я не могу точно определить ее содержание. Это тот случай, когда остается самому зрителю и читателю решать, кто герой — не то режиссер, который притворяется сумасшедшим, чтобы вернуть форму актрисе, или же сошедший с ума человек, которому кажется, что он Достоевский, не то сама актриса, не то гримерша, которой нравится выдавать себя за актрису. Здесь — ощущение жизни и театра. Жизнь — как сон, и сон — как театр, который присутствует в конце жизни... Эту пьесу, наверное, нельзя ставить в обычном реалистическом ключе. Писал ее специально для Марии Бабановой. Но она умерла. Теперь затрудняюсь сказать, для кого она. Поэтому предпочел сначала напечатать. «Старая актриса на роль жены Достоевского» выйдет в альманахе «Современная драматургия» — пьеса, продолжающая серию бенефисных пьес. И «Приятная жен-

САМОЕ ГЛАВНОЕ — ЗАГАДКА

Наш собеседник —
драматург
Эдвард РАДЗИНСКИЙ

щина с цветком и окнами на север», которая написана для Дорониной и которую Доронина играет, и «Старая актриса...» — пьесы для актеров, у которых особое ощущение времени. Если писателю или режиссеру время что-то дает, то у актера только отбирает. Ужас утраты, невозможности времени!

— В последнее время вы, кажется, идете на умышленное уменьшение ролей?

— Я бы даже сказал — на нарочитое уменьшение. Считаю, что в современной пьесе должно быть мало людей, хотя стоит, конечно, посмотреть пьесы Чехова — и убеждаешься, что может быть и много. У Чехова они загадочны. И — современные. Самое главное — загадка, когда невозможно объяснить, высказать идею. Ведь пишется всегда одна пьеса, ставится другая, а зритель видит третью. И между залом и актером как раз-таки решается, есть она или нет.

— Но бывают случаи, когда драматург сам выворачивает свою пьесу. Разве «А существует ли любовь?» — спрашивают пожарные» — это не перевернутые «104 страницы про любовь»?

— Мне было интересно посмотреть, что из этого выйдет. Ведь по варианту пьесы и Ее, и киноактрису, которая

в снимающемся фильме исполняет роль Ее, должна играть одна и та же артистка. Здесь очень важно внутреннее взаимодействие, а не внешнее. Никто не хочет правды! Режиссер хочет снять свою картину — не про писателя; для него важнее всего вопрос совести: почему Она погибла? А для писателя весь спектакль — приход к одному монологу, единственному правдивому, который он помнит, все остальное — красивые воспоминания, которые он хочет выдать за правду. Здесь три слоя: первый — ностальгическое ретро, второй — реплики, которые произнесены вслух, а третий — то, что он не хочет помнить, что в действительности было. Ему ведь хочется вспомнить даже не красивую историю, а просто вспомнить красиво. В этом смысле — «все на продажу». Этому спектаклю требуется ироническая интонация. Ведь отсюда и название пьесы. По-моему, ход у режиссера Николая Шейко интересный — буффонада, маскарад, где люди — как маски. Герой актера Александра Рязанцева все время встречается с собой, которого не узнает, не понимает, что сам себя в это превратил, а кинорежиссер лишь заканчивает то, что сделал он сам. Очень сложно играть актрисе Ислентьевой (театр, кстати, разделил роль — на Ее и играющую Ее киноактрису), сложно играть не Ее в прошлом, а отстраненно, не быт, а отношение к происшедшему некогда.

— Вам понравился спектакль?

— Я ведь уже сказал, что не могу быть судьей спектаклям, поставленным по моим пьесам. Театр вообще странная вещь: на пол-оборота ту же завернул гайку — и все. Видимо, скоро я расстанусь с театром. Все интереснее писать прозу.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.

24 МАР 1984

Молодежь Эстонии
г. Таллин